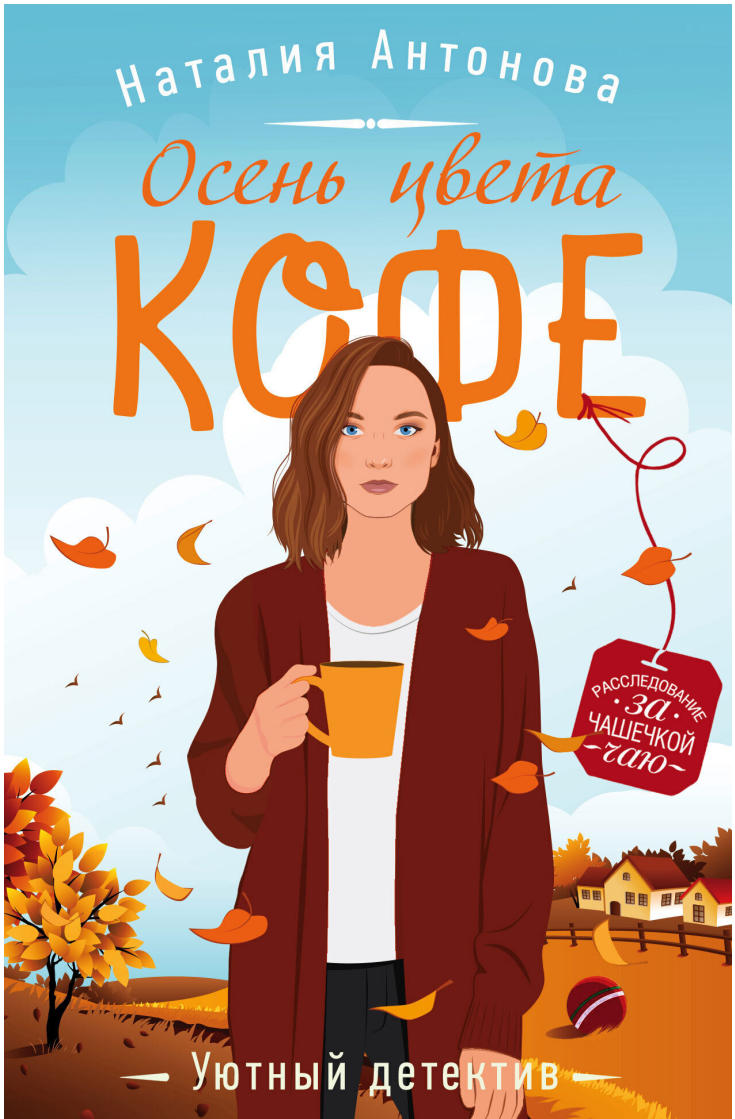
Наталия Антонова

Осень цвета КОФЕ



Уютный детектив

Наталия Николаевна Антонова

Осень цвета кофе

Серия «Уютный детектив»
Серия «Частный детектив Мирослава Волгина», книга 19

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66612042
Осень цвета кофе. Роман: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-160073-0

Аннотация

Вадим Костюков был безумно влюблен и счастлив. Ничего не предвещало беды – пока его не отравили в съемной квартире после пылкого свидания. Вадим очень любил кофе, этот напиток его и сгубил. Следователь Александр Наполеонов пытается найти возлюбленную Костюкова – незнакомку в синей куртке, и того, кто желал Вадиму смерти…

Содержание

Пролог 6
Глава 1 15
Глава 2 27
Глава 3 39
Глава 4 54
Глава 5 78
Конец ознакомительного фрагмента. 84

Наталия Николаевна Антонова

Осень цвета кофе

Роман

Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно…
От автора

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Антонова Н. Н., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Пролог

Начало осени было волшебным и неожиданным. Златовласая красавица уже было занесла над порогом свою ножку, обутую в изящную туфельку из золотистой парчи, усыпанной оранжевыми, пурпурными и бордовыми яхонтами. На всём этом великолепии мерцала мельчайшим бриллиантовым напылением утренняя роса.

Но тут оказалось, что ушедшее ещё в середине августа лето вдруг опомнилось, почувствовав, что не догуляло, и красиво перешло дорогу осени. Та и ахнуть не успела, как лето присвоило себе месяц сентябрь, залило дни ярким солнечным светом, погрузило в позабытый было медвяный привкус зноя. А осени только и оставалось, что отыгрываться ранними закатами да прохладными тёмными ночами.

У Вадима Костюкова было прекрасное настроение! Наконец-то он встретил свою настоящую любовь, и ничего, что на четвёртом десятке. Ведь как сказал классик: «Любви все возрасты покорны».

У Вадима и раньше случались интрижки на стороне, но это было всё не то. Так, проходные варианты. Правда, с одной из них, с Ниной Кравченко, он расстался не очень хорошо. Вообще-то он с самого начала не собирался продолжать с ней отношения, но Нина, видимо, решила иначе и стала не только названивать ему по телефону, присылать сначала

умоляющие эсэмэски, а потом угрожающие, но даже подстерегала его пару раз возле работы.

Скандал ему был совершенно не нужен, и он попросил поухаживать за Ниной одного из сотрудников фирмы, с которым приятельствовал в молодости.

Услуга, оказанная ему приятелем, была не бесплатной, Костюков заплатил ему за это деньги. Вадим считал, что плата будет гарантией того, что приятель не распустит при случае язык.

Нина вроде бы утихомирилась, полностью переключившись на Толика. Но Толику она тоже вскоре так надоела, что терпеть навязчивую Нину ему стало невмоготу, и он мало того, что бросил её, ещё и признался с досады, что ухаживал за ней не по своей инициативе, а по просьбе знакомого и за вознаграждение.

Кто именно заплатил ему, опять же, по словам самого Толика, он Нине не сказал.

– Ты не сумел удержать язык за зубами, – зло выговорил ему тогда Вадим.

У Нины хоть и есть один существенный бзик – любой ценой захомутать приличного мужчину и затащить его в загс, но всё-таки она не круглая дура. Вполне могла сложить два и два и выйти на него.

Поняла Нина или нет, по чьей именно просьбе её обвели вокруг пальца, неизвестно. Скандалов закатывать она Вадиму не стала. Может, всё-таки не догадалась – на что надеял-

ся Костюков – или затаила злобу про себя – чего он втайне опасался.

Но чего теперь об этом думать и гадать, решил он, когда у него появилась любовь всей его жизни. Все другие женщины остались в прошлом. Кроме жены…

Что делать с Анной, Вадим пока не решил. Хорошо, что хоть детей у них нет. Правда, в их семье воспитывался племянник Анны, Артур Дмитриевич Пашаев, сын её старшей сестры. Но ведь он не был его родным ребёнком, Вадим его даже не усыновил. Хотя порыв такой в своё время у него был. Но воспротивились родители Анны, сославшись на то, что ребёнок не должен забывать своих родных родителей и фамилию он должен носить своего родного отца.

Вадим после этого заявления тёщи и тестя почувствовал себя тогда оскорблённым в лучших чувствах, а позднее стал тихо радоваться, что не стал отцом чужого ребёнка. Ведь теперь у него не было никаких обязанностей по отношению к мальчику.

Мужа своей возлюбленной Костюков не брал в расчёт по той простой причине, что он был всего лишь инженером-технологом на заводе и тягаться с Костюковым ну никак не мог с его-то мизерной зарплатой и двушкой в спальном районе, доставшейся ему от родителей.

Вспомнив цитату из фильма «Джентльмены удачи»: «Он кто? Инженеришка рядовой, и всё. Ну, что у него за жизнь? Утром – на работу, вечером – с работы. Дома жена, дети соп-

ливые. Ну, в театр сходит, ну, летом в санаторий съездит в Ялту. Тоска смертная», Костюков невольно улыбнулся, подумав: «Всё верно, много лет прошло после выхода фильма, страна стала другая, а в принципе, ничего и не изменилось. Разве только то, что выбираться летом в санаторий рядовым инженерам стало накладнее. Зато тем, кто сумел подсуетиться и стать хозяином жизни, теперь практически доступно всё».

Ещё у Марины была дочь. Но девочке было всего четырнадцать лет, отроковица, как говорили раньше, и тинейджер, как говорят теперь.

Костюков не сомневался, что современными девочками, помешанными на гаджетах, шмотках и цацках, манипулировать гораздо легче, чем их сверстницами из девятнадцатого и даже двадцатого века, ценившими превыше всего духовность и мечтавшими о настоящей любви.

Сейчас же в этом возрасте сердце девочки легко завоевать дорогими подарками и перспективой безоблачного будущего, которого её родной отец обеспечить ей никак не сможет, зато для него, Костюкова, это раз плюнуть. Например, отправит учиться девочку за границу, в ту же Англию. И никаких проблем.

Сегодня у них с Мариной было обычное плановое свидание. Но Костюков, как, впрочем, и всегда, подготовился к нему основательно, закупив в супермаркете дорогие продукты, а в цветочном магазине огромный букет из ярко-красных

и ослепительно-белых роз.

«Пусть вот Марина гадает, что это значит», – с улыбкой подумал он.

Для свиданий с Мариной Вадим снимал небольшую, но уютную квартиру у профессорской вдовы Калерии Геннадьевны Поповой.

Вдова профессора после смерти мужа собиралась жить отдельно от детей. Она отдала им четырёхкомнатные профессорские хоромы, а сама поселилась в спальном районе в квартире, которую ей купил и обставил сын. Но как-то так получилось, что старушка заскучала, а так как характер у неё был не вздорный, сноха с сыном предложили ей переехать к ним, то есть в квартиру, где Калерия Геннадьевна прожила практически всю свою сознательную жизнь.

И Попова с радостью согласилась. А новую квартиру в спальном районе решили сдавать, ведь, как известно, деньги лишними никогда не бывают.

Костюков, шагнув в глубину подъезда, как раз и подумал о деньгах, которые сегодня нужно было положить на карту Поповой.

«Вечерком и положу», – подумал Вадим.

Он открыл дверь своим ключом, сразу прошёл на кухню, достал большой глиняный кувшин и поставил в него розы.

Кухня тотчас преобразилась, приобрела праздничный вид.

Вадим приоткрыл окно, и зашептались дремавшие до это-

го светлые занавески на окнах, разбуженные залетевшим лёгким ветром.

Оглядевшись вокруг себя удовлетворённым взглядом, Вадим принялся накрывать на стол.

Спустя несколько минут он услышал звук ключа, открывающего дверь.

«Марина пришла!» – сладко замерло его сердце и тотчас забилось учащённо.

Вадим быстро вышел в прихожую, спрятался за большой одежный шкаф, а как только Марина вошла вовнутрь, он, сразу материализовавшись из-за шкафа, заключил её в объятия.

– Ой! – воскликнула женщина.

Её рука начала шарить в полумраке в поисках выключателя.

– Мариша, ну зачем тебе свет? – рассмеялся Костюков. – Разве ты не слышала, что темнота – друг молодёжи?

Женщина счастливо засмеялась и кокетливо ответила:

– Даже и не знаю, могу ли я относить себя к молодёжи.

– Можешь, ещё как можешь, – заверил её Вадим, не переставая покрывать поцелуями лицо любимой женщины.

Потом он посадил её на крохотный диванчик в прихожей, снял с неё обувь и, подхватив её на руки, унёс в комнату. Она, смеясь, попробовала отбиваться, но из её затеи ничего не вышло. Наконец, сдавшись на милость победителя, она прошептала, пьянея:

– Какой ты нетерпеливый!

– Да, я просто изголодался по тебе! – жарко выдохнул он. – Мы не виделись целых два дня!

– Всего два дня, – прошептала она, опрокидываясь на спину, и последнее, о чём она более-менее ясно смогла подумать, было то, что постель Вадим разобрал заранее.

А потом волшебный сладкий морок из жаркого шёпота, объятий, поцелуев, стонов и физического исступления накрыл их обоих с головой, вознёс в заоблачную высь и спустя какое-то время бережно опустил на смятые простыни.

Несколько минут они лежали не шевелясь. А потом Вадим сказал:

– Я хочу кофе.

– Сейчас сварю, – отозвалась Марина, сладко потягиваясь всем телом.

– Не надо, я сам, – ответил он и легко соскочил с постели.

– Тогда я в душ.

– Хорошо.

Когда посвежевшая, закутанная в махровый халат Вадима Марина вышла на кухню, он уже разливал густой, умопомрачительно пахнущий кофе по чашкам.

– Ой, – невольно вырвалось у женщины, когда дождь её каштановых, как и полагается дождю, влажных волос рассыпался по её плечам, – принеси мне, пожалуйста, заколку, – попросила она.

– А где она?

– На тумбочке возле кровати.

Марина прижала руки к лицу и подумала о том, что её личная жизнь завязалась в такой тугой узел, который не развязать. Если только разрубить…

Вадим отсутствовал пару минут. Вернувшись на кухню, он протянул ей заколку, взял свою чашку кофе и, поднеся её ко рту, успел сделать всего пару глотков. А потом судорожно взмахнул рукой и рухнул на пол.

По его остекленевшим глазам она поняла, что любовник мёртв, но всё-таки, пересилив свой страх, дотянулась до его руки и попробовала найти пульс.

Пульса не было. С минуту она постояла в оцепенении, а потом бросилась в спальню одеваться, напоследок схватила свою сумочку и выбежала из квартиры.

Она бежала, вернее, неслась сломя голову, по выложенной плиткой дорожке от подъезда к своей машине, оставленной на стоянке за углом.

Налетев на кого-то, она услышала звук пустого ведра, покатившегося по дорожке, но не извинилась, не остановилась, услышала нёсшиеся ей вслед ругательства и побежала ещё быстрее.

Она была почти у цели, когда из-за угла вышел мужчина с матерчатым мешочком, и, когда Марина столкнулась и с ним, он отлетел от неё, как мячик, вспоминая при этом то ли её, то ли свою мать, но она уже была далеко.

Оказавшись на стоянке и вставив ключ зажигания, она

тронула машину с места и умчалась прочь.

Глава 1

Калерия Геннадьевна Попова была сегодня не на шутку встревожена, она уже который день подряд не могла дозвониться до своего квартиранта Вадима Аркадьевича Костюкова, человека уважаемого и со всех сторон положительного.

Дело в том, что шестого числа он аккуратно каждый месяц, ни разу не задержав оплату и на день, клал деньги за съём квартиры на её карту. Но вот прошёл день, другой, третий, а деньги так и не появились.

Сначала тревожность Калерии Геннадьевны напоминала лёгкое облачко. Но с каждым днём она тяжелела и наконец достигла размеров грозовой тучи, которая вот-вот разверзнется и станет метать молнии и громы.

И произошло это вовсе не потому, что Попова опасалась обмана со стороны Костюкова, нет!

Несмотря на его молчание, она не сомневалась в его честности и порядочности. Именно потому, что Калерия Геннадьевна была уверена в Костюкове, она и мысли не допускала, что он просто игнорирует её звонки.

С утра в её голову приходили мысли о том, что нужно поехать и открыть квартиру своим ключом, чтобы убедиться, что там всё в порядке, а потом уже думать о том, как найти Костюкова. Но врождённая деликатность профессорши тормозила её порывы.

Калерия Геннадьевна думала, что это не совсем вежливо – врываться хоть и в свою собственную квартиру, но на время предоставленную другому человеку. Ведь если Костюков окажется в это время в квартире, то он сочтёт её женщиной не деликатной и не интеллигентной.

Наконец, ближе к полудню её внутренний голос подсказал ей, что ехать всё-таки придётся.

На всякий случай она позвонила на работу сыну и посоветовалась с ним.

Сын ответил:

– Мама, однозначно нужно съездить и посмотреть на всё своими глазами.

Калерия Геннадьевна не стала уточнять, что именно сын имел в виду, говоря «на всё». Она решила, что сын произнёс это, повинуясь, как и она, своему внутреннему голосу.

И она поехала. Машину водить Калерия Геннадьевна так и не научилась, поэтому сначала хотела вызвать такси, но потом сообразила, что прекрасно доберётся на метро, которое доставит её почти до самого места.

На улице было тепло, вовсю светило солнце, и, несмотря на то что наступила вторая декада сентября, на газонах зеленела по-весеннему нежная травка, цвело огромное количество цветов, листья на деревьях не спешили бронзоветь и золотиться. А в кустах снежника радостно щебетали воробьи.

Калерия Геннадьевна расстегнула верхнюю пуговицу своего лёгкого плаща и ослабила шарф.

«Что-то я слишком тепло сегодня оделась», – подумала она на ходу.

Но, войдя в подъезд, женщина ощутила внезапно охвативший её озноб.

На лифте она поднялась на свой этаж и долго звонила в квартиру. Никто ей не открывал.

«Так Вадим Аркадьевич, наверное, сейчас на работе. День-то будний, – запоздало сообразила она. – Надо было вечерком сюда подъехать».

Калерия Геннадьевна в нерешительности потопталась на площадке перед квартирой, а потом всё-таки уговорила себя.

«Я только одним глазком взгляну, что там и как, и сразу уйду», – решила женщина, набравшись смелости.

Обе двери – и железная, и деревянная – открылись легко.

Нос Калерии Геннадьевны каждую осень и весну оккупировал насморк, но даже при всём при этом она учуяла какой-то странный, как ей показалось, несвежий запах.

Это заставило женщину на мгновение растеряться. Ведь она сдавала квартиру не бомжу какому-нибудь. Не мог же её приличный с виду квартирант настолько запустить жильё.

Даже мысль непрошеная промелькнула: «Вот и доверяй после этого людям».

Но Попова тотчас отогнала её от себя. Она прошла по коридору, заглянула в крошечную комнату, служившую ей и библиотекой, и кабинетом, в ней всё было нормально, потом открыла дверь в спальню и смущённо замерла на пороге –

постель была разобрана, несвежее смятое бельё ясно говорило о том, чем здесь занимались.

Калерия Геннадьевна неодобрительно покачала головой, но про себя всё-таки решила, что выказывать квартиранту своего неудовольствия пока не станет.

Женщина отправилась на кухню, в уют которой она вложила особенно много труда и энергии, так как именно здесь любили засиживаться за чаем по вечерам её давние подруги.

От картины, открывшейся её взгляду, Калерия Геннадьевна покачнулась, хотела закричать, но горло её сдавил спазм, и она только хватала воздух открытым ртом. А потом женщина, забыв о том, что ей вот-вот исполнится восемьдесят лет, опрометью кинулась вон.

Когда она выбежала из квартиры на площадку, у неё прорезался голос. Попова громко закричала и стала стучать в двери соседских квартир:

– Помогите! Помогите хоть кто-нибудь!

Дверь одной из квартир открыла девочка лет восьми и спросила:

– Тётя Каля, что случилось?

Калерия Геннадьевна уже пришла в себя, она махнула рукой и потянула дверь открывшейся квартиры на себя так, что она захлопнулась.

В это время щёлкнул замок другой квартиры, на пороге которой появился Василий Иванович Гусятников, заслуженный пенсионер примерно её возраста.

– Что случилось, Калерия Геннадьевна? На вас лица нет! – воскликнул он, не на шутку встревожившись.

– А где остальные? – снова начала хватать воздух ртом Попова.

– Кто остальные? – не понял он.

Она потыкала в две неоткрывшиеся квартиры.

– Так Смысловы всем семейством в Турцию отдыхать уехали, не сегодня завтра вернутся. А Гасан Иванович в командировке уже две недели. Ключи мне оставил, чтобы я герань поливал и кошку его кормил.

И тут, наморщив нос, Гусятников подозрительно покосился на Попову и спросил:

– Что это за вонью из вашей квартиры несёт, Калерия Геннадьевна?

– Так, Василий Иванович, квартиранта моего убили! – всплеснула руками Попова.

– Как, то есть, убили? – не понял сосед.

– До смерти! – вырвалось у Поповой.

Гусятников хотел было зайти в квартиру Поповой и даже сделал несколько шагов, но потом передумал и спросил строго:

– Вы, Калерия Геннадьевна, вызвали полицию?

Она покачала головой. И Гусятников, вынув свой сотовый, стал нажимать на кнопки.

– «Скорую» ещё нужно вызвать, – пробормотал он.

– А «Скорую»-то зачем? – спросила Попова растерянно.

– Так положено! – отрезал Гусятников.

И они застыли оба, как два безмолвных стража на зыбкой границе между добром и злом.

Первой приехала «Скорая». Врач только развёл руками и нервно закурил, выйдя на площадку, понимая, что необходимо дождаться полицию.

– Чёрт-те что творится, – бурчал он себе под нос, – и кто только выдумал эти несносные правила?

– У меня ещё два срочных вызова, – пожаловался он Поповой.

Но та только беспомощно закивала в ответ, и тогда доктор принялся названивать диспетчеру, чтобы сообщить, что он задерживается на убийстве.

Диспетчер полузадушенно охнула в трубку и пообещала передать его вызовы другой бригаде.

* * *

Следователь Александр Романович Наполеонов с утра пребывал в отличнейшем настроении: он был готов передать в суд сразу два завершённых дела.

Всё в них было как надо: и улики, и свидетели, и факты. Короче, не подкопаешься. И немаловажным было то, что их раскрытие было его собственной заслугой, конечно, он не сбрасывал со счетов работу оперов и экспертов. Но как приятно всё-таки ощущать себя блестящим следователем.

При мысли об этом Наполеонов буквально лучился. И тут некстати раздался телефонный звонок. Игнорировать его было никак нельзя, так как звонило начальство.

– Здравствуйте, Фёдор Поликарпович! – проговорил Наполеонов.

– Здравствуй, Саша, – ответил полковник Солодовников, который был единственным, кто называл Наполеонова Сашей, – ты ведь закончил те два дела?

– Так точно, товарищ полковник, – отрапортовал следователь и, тут же улыбаясь, представил, как поморщился полковник. Не любил Солодовников всех этих официальностей.

– Поэтому, я думаю, – как ни в чём не бывало продолжил полковник, – тебе следует съездить на Малышева, дом одиннадцать.

– А что там случилось?

– Убийство, Саша, убийство случилось.

– Может, несчастный случай? – с надеждой в голосе спросил Наполеонов.

– Сомневаюсь. Так что поезжай, голубчик, и разберись.

– Слушаюсь.

Когда Наполеонов приехал по адресу, данному ему Солодовниковым, следственная группа уже была на месте. Врач «Скорой» спорил о чём-то с участковым, который отмахивался от него обеими руками и кивал на судмедэксперта, а тот, в свою очередь, не обращал ни малейшего внимания на обоих.

Руслану Каримовичу Шахназарову было и без них кем заняться. Невозмутимый эксперт Незовибатько обрабатывал поверхности на предмет оставленных следов. Полицейский фотограф Валерьян Легкоступов легко, точно бабочка, перелетал с одного места на другое и неустанно щёлкал фотоаппаратом, при этом он буквально искрился, весь поглощённый творческим процессом.

Именно Валерьян первым бросился в глаза вошедшему Наполеонову, и следователь, глядя на него, уже в который раз беззлобно подумал: «Убью».

А Легкоступов тем временем намеревался снять несвежий труп таким образом, чтобы на него красиво падала кружевная тень от листьев пальмы.

Наполеонов уже собрался отругать фотографа, как к нему устремился участковый:

– Товарищ следователь, – заговорил он на ходу, – вот врач «Скорой» торопится.

– Вы всё зафиксировали? – спросил он доктора, уже готового проглотить их живьём обоих.

– Чего там фиксировать? – рявкнул врач. – Его уже потрошит ваш судмедэксперт.

– Тогда поезжайте с богом, – проговорил Наполеонов тоном престарелой матроны.

Врач «Скорой» вытаращился на следователя, потом махнул рукой и быстро ушёл.

– Вы молодец, Александр Романович! – восхитился актёр-

скими способностями следователя участковый и пожаловался: – А то он мне тут уже всю плешь проел.

– Молодой ты ещё, Саголатов, чтобы о плеши думать, – отозвался Наполеонов.

– Не скажите, – не согласился участковый. – Вон у принца английского она уже в тридцать лет на макушке нарисовалась.

– Тоже мне принц нашёлся, – фыркнул следователь. – Иди работай, Стёпа, и будут твои кудри виться до ста лет.

– Скажете тоже, – хмыкнул участковый и исчез с глаз следователя.

А Наполеонов направился к Шахназарову.

– Что скажете, Руслан Каримович? – проговорил он, подойдя поближе.

– Да ничего не скажу, – отозвался Шахназаров, – труп лежит несколько дней.

– Сколько примерно?

– Сейчас ничего я тебе точно, Шура, не скажу.

– Хотя бы примерно, – заныл Наполеонов.

– После вскрытия! – отрезал судмедэксперт.

– Вечером?

– Вечером, – согласился Шахназаров, – но завтра.

– Завтра? – Наполеонов надел на лицо маску ужаса.

– Завтра, Шура, завтра вечером.

– Где у нас понятые? – спросил Наполеонов у вновь возникшего перед ним участкового.

– Да вон они! – Участковый ткнул пальцем в тёмный угол, где, прижавшись друг к другу, как две перепуганные птички в непогоду, сидели Гусятников и Попова.

– Соседи?

Саголатов кивнул:

– Мужчина – сосед, а старушка – хозяйка квартиры.

– Вот как? – заинтересовался Наполеонов и направился к пожилым людям.

Участковый увязался было за ним, но потом отстал. Решил, что если он понадобится, то позовут.

– Здравствуйте, – поздоровался Наполеонов, рассматривая мужчину и женщину, и представился: – Я следователь, Александр Романович Наполеонов.

– Попова я, Калерия Геннадьевна, – проговорила женщина и хотела встать.

– Сидите, сидите, – остановил её Наполеонов. – Вы, как я понимаю, хозяйка квартиры? – спросил он.

Вдова профессора печально кивнула.

– А вы? – обернулся следователь к мужчине.

– Сосед я, Василий Иванович Гусятников, – представился мужчина, – живу я здесь.

– В этой квартире? – удивился Наполеонов.

– Да нет, – отмахнулся Гусятников, – на одной площадке с Калерией Геннадьевной.

– Но Калерия Геннадьевна, как я понял, последнее время здесь не проживала. – Следователь снова повернулся к По-

повой.

– Не проживала, – кивнула она. – Я жила у сына, а квартиру сдавала.

– Кому?

– Костюкову Вадиму Аркадьевичу.

– Давно он снимал у вас квартиру?

– Уже год.

– Он последнее время проживал здесь постоянно? – спросил Наполеонов.

– Я не знаю, – ответила Попова и зарумянилась, совсем как девушка.

«Ох и темнит старушка», – подумал следователь.

– Костюков жил в квартире один? – спросил он вслух.

– По-моему, у него была женщина, – с трудом выдавила из себя Калерия Геннадьевна.

– Жена?

– Не знаю. – Щёки профессорской вдовы снова стали пунцовыми.

– Да ладно тебе, Калерия Геннадьевна, тень на плетень наводить, – не выдержал Гусятников. – Ясное дело, что квартиру гражданин снимал для любовных утех.

– То есть квартирант Калерии Геннадьевны водил сюда женщину? – обратил Наполеонов свой взор на Гусятникова.

– А кого же он мог водить сюда ещё? – фыркнул пенсионер.

– Вы её видели?

– Рассмотреть её мне ни разу не удалось.

– Почему?

– Во-первых, потому что я нелюбопытный, во-вторых, проявлял мужскую солидарность и не совал свой нос в чужие амурные дела, в-третьих, они шифровались, как советские разведчики в тылу врага.

– Но ведь не может такого быть, чтобы вы ни разу не столкнулись друг с другом, например, на лестничной площадке.

– Как же, – согласился мужчина, – встречал я её раза два-три в подъезде.

– В чём она была одета?

– В синей куртке.

– А что вы ещё о ней можете сказать?

– Высокая, в тёмных очках, волосы светлые.

– Не густо.

Пенсионер пожал плечами.

Наполеонов снова повернулся к Поповой:

– Почему вы, Калерия Геннадьевна, пришли именно сегодня?

– Мы договаривались, что Вадим Аркадьевич будет деньги за квартиру переводить мне на карточку. И он всегда переводил день в день. А тут денег день нет, два нет, три нет, и телефон он не берёт. Я и пришла, сначала позвонила, потом открыла дверь своим ключом. И вот. – Калерия Геннадьевна жалобно всхлипнула.

Глава 2

Оперативники тем временем делали поквартирный обход.

Основным результатом, как и в большинстве случаев, было – «ничего не видел, ничего не слышал».

Но Ринату Ахметову повезло. И даже дважды. Один дед вспомнил, что он шёл с пустым ведром, а на него налетела женщина в синей куртке со светлыми волосами, выбила ведро и даже не извинилась.

– Иван Фёдорович, – попытался Ринат вытащить из свидетеля как можно больше информации, – может, у неё были какие-то особые приметы?

– Господь с тобой, сынок, – всплеснул руками пенсионер Кузнецов, – я же говорю тебе! Налетела она на меня! Чуть с ног не сшибла и помчалась дальше. Какие уж тут особые предметы разглядывать. Я рад, что на ногах-то удержался. А ведро так и покатилось.

– Иван Фёдорович, а когда это было?

– Так вот во вторник и было. Мне как раз в этот день пенсию принесли.

– Во вторник было десятое сентября.

– Оно самое, – согласился пенсионер.

Второй раз Ринату повезло на первом этаже.

Дверь ему открыл улыбающийся мужчина с растрёпанной рыжей шевелюрой. Несмотря на то что наступила осень, ли-

цо его, особенно нос и щёки, было щедро усыпано веснушками. Оперативнику невольно вспомнились герои мультика из детства про рыжего и конопатого, который дедушку любил и не бил его лопатой.

От этих воспоминаний Ринат невольно улыбнулся в ответ на улыбку открывшего ему дверь мужчины.

– А вы, случаем, не почтальон? – спросил, продолжая улыбаться, мужчина.

– Печкин? – спросил Ринат.

– Почему Печкин? – удивился мужчина и, подумав, добавил: – Мне вообще-то всё равно, как ваша фамилия, просто я посылку жду.

– Нет, я не почтальон, – ответил, став серьёзным, Ринат, – я оперативник Ринат Ахметов.

– Мент, что ли? – удивился мужчина.

– Можно сказать и так, – нехотя согласился Ринат, – но вообще-то я полицейский.

– Понятно… – задумчиво протянул мужчина и перестал улыбаться.

– Мы проводим опрос жильцов, – пояснил Ахметов. – Вы не могли бы представиться?

– Так меня тут все знают! Я Афанасий Андреевич Погорельский. И живу тут полвека. А на предмет чего вы опрос проводите?

– У вас в подъезде жильца убили.

– Кого? – удивился мужчина.

– Квартиранта Поповой, Калерии Геннадьевны.

– Когда?

– Точно пока это судмедэкспертом не установлено. Но один из ваших соседей сообщил, что его едва не сбила с ног выбежавшая из подъезда женщина.

– Так и меня тоже! – искренне обрадовался Погорельский.

– Вы не могли бы рассказать об этом поподробнее?

– А чего рассказывать-то?! Возвращался я, значит, намедни из магазина, а она как вылетит из-за угла, словно кошка ошпаренная! И чуть не сбила меня с ног! Я отлетел от удара метра на три!

– Так уж и на три? – усомнился Ринат.

– Да чего мне врать-то! – возмутился Погорельский. – Я мешочек свой с продуктами еле в руках удержал! Даже, грешным делом, подумал, что бутылочка-то моя разбилась.

– Какая бутылочка? – не сразу понял оперативник.

– А то вы не знаете, – смущаясь, как барышня на выданье, проговорил Афанасий Андреевич и неожиданно озорно подмигнул Ахметову.

– Когда это было? – спросил Ринат, проигнорировав заигрывания свидетеля.

– Два дня назад. Шестого числа. У меня как раз именины были.

– То есть день рождения?

– Да нет же, день ангела!

– Вас зовут Афанасий?

– Ну.

Ринат достал смартфон и задал поисковику запрос «именины Афанасия».

По мере чтения ответа глаза Рината медленно полезли на лоб.

Именины у Афанасиев были несколько раз не то что в год, а практически каждый месяц. Только в сентябре они были 3 сентября: Афанасий Высоцкий, Серпуховской, Старший, 4 сентября: Афанасий Тарсийский (Киликийский), 10 сентября: Афанасий Печерский, затворник, 18 сентября: Афанасий Брестский, 25 сентября: Афанасий Высоцкий, Серпуховской, Младший.

По всему выходило, что в этом месяце у Погорельского впереди было праздников хоть отбавляй! Но в четверг было 6 сентября.

И как раз этого числа никаких именин у Афанасия не было, на что оперативник и поспешил указать Погорельскому. Чем, впрочем, ничуть его не смутил.

Не моргнув глазом Афанасий ответил ему, что он настолько любит своих ангелов, что не считает себя вправе отказать им, в какой бы день они его ни посетили.

Подозрительно посмотрев на мужчину, Ринат спросил:

– Вы что же, намекаете на то, что ангелы приходят к вам в человеческом обличье?

– А почему бы и нет? – широко улыбнулся Афанасий Андреевич.

– Приведите пример, – сказал оперативник, хотя и понимал, что ввязываться в дискуссию с любителем выпить по меньшей мере неразумно.

– Да, пожалуйста, – охотно отозвался Погорельский. – Допустим, приходит ко мне разносчик пиццы или электрик.

– Ну и что?

– Разве у них на лбу написано, что они не ангелы?! – радостно улыбаясь, воскликнул Погорельский.

– Значит, к вам в четверг приходил разносчик пиццы?

– Нет.

– Электрик?

– Нет!

– А кто?

– Ворона прилетала! – захохотал Погорельский.

«Убью», – подумал Ринат и спросил подозрительно спокойным голосом:

– Какая ещё ворона?

– Да Зинка Воронина! Вот зараза! – беззлобно выругался Погорельский.

– Зачем же она к вам приходила?

– Начала орать, что я кран в ванной не закрыл и её затопил!

– Так и было дело?

– Так и было, – сникнув, согласился Погорельский и добавил: – Вечером приходил Зинкин муж и обещал из меня последние мозги выколотить, если я им ремонт в ванной не

сделаю.

– А вы умеете?

– А то! Я же столько лет маляром на стройке проработал, – тяжело вздохнул Погорельский.

– Но вы заявили мне прежде, что к вам в тот день приходил ангел. И в чьём же обличье он вам явился? В лице соседки Зинаиды или её мужа? – решил подшутить Ринат над незадачливым рыжим растрёпой.

– Скажете тоже, в образе Зинки! – возмутился Погорельский. – Ангелы бабами не бывают! – проговорил он наставительно. – Да и муженёк Зинкин далеко не ангел, уж поверьте мне.

– Верю.

– А ангел мне явился в образе Улубека.

– Какого ещё Улубека? – озадачился оперативник.

– Так он в нашем жэке подвизается, полы в подъезде моет. Видит, у меня такая неприятность образовалась, вот и помог мне вычерпать воду в ванной комнате. А потом мы с ним выпили.

– И Улубек?

– И Улубек, – согласно кивнул Погорельский. – Только я водку, а он чай. Но закусывал его огурцом с хлебом. И вы после этого будете утверждать, что Улубек не ангел?!

– Не буду.

– То-то. Он явился мне как ангел-спаситель. И я не мог за это не выпить.

– Понятно, но вернёмся к встреченной вами женщине, – устало напомнил Ринат.

– Чего к ней возвращаться-то? Пролетела, как стрела.

Оперативнику надоело возиться с рыжим, и он потребовал:

– Погорельский, опишите женщину.

– Шутишь, командир! – возмутился, в свою очередь, Погорельский. – Я же говорю, что она налетела на меня, и я улетел!

– Куда улетели?

– В сторону, – немного подумав, Афанасий махнул рукой вправо, – в ту сторону. – И добавил: – Как я уже говорил, на три метра.

Ринат вздохнул и спросил:

– Но хоть что-то вы должны были запомнить.

– Я и запомнил!

– Что?

– На ней была синяя ветровка.

– Точно синяя?

– Точно!

– А волосы?

– У неё ещё и волосы были? – искренне удивился Афанасий, а потом, что-то вспомнив, закивал: – Точно были! Растрёпанные! Совсем как у меня!

– Рыжие?

– Нет, – задумчиво покачал головой Погорельский.

– Тогда какого цвета?

– В смысле? – не понял Афанасий.

– Она была брюнетка, шатенка, блондинка?

– А точно! Блондинка! Точно такого цвета, как болонка у Филаретовны!

– Кто такая Филаретовна?

– Как кто? – в который раз за короткий промежуток их разговора изумился Погорельский. – Евдокия Филаретовна Игнатьева. У неё ещё сын сапожник! – Афанасий захихикал.

– Вы хотите сказать, что сын некой Филаретовны пьёт как сапожник? – язвительно спросил Ринат, намекая на алкогольное пристрастие своего собеседника.

– Что вы! – всплеснул руками Погорельский, как прачка в водевиле девятнадцатого века. – Он вообще не пьёт, – добавил он с явным осуждением.

– А где живёт Филаретовна?

– В последнем подъезде.

– А номер квартиры?

– Не знаю. Она меня в гости не приглашала, и вообще Матильда меня не любит, – обиженно заявил Афанасий.

– Какая ещё Матильда?

– Так болонка же Филаретовны! – Афанасий посмотрел на оперативника с осуждением, всем своим видом показывая, что сроду ещё не встречал таких непонятливых людей.

Ринат вытер пот со лба.

Прежде чем доложить Наполеонову, Ринат спросил:

– Александр Романович, вы сколько раз в году именины отмечаете?

– Я их вообще не отмечаю, – буркнул Наполеонов.

– И зря, – заметил прислушивающийся к их разговору Незовибатько. – Я бы тоже отмечал все свои именины, но тёща категорически против, – притворно тяжело вздохнул эксперт.

– Не морочьте мне голову! – рявкнул следователь.

– Короче, – пожал плечами оперативник, – один из соседей Афанасий Погорельский отмечает именины более сорока раз в год, но этого ему мало! И он празднует именины по мере прихода ангела.

– Я не понял! Какого ещё ангела?

– Спешу вас успокоить! Я тоже далеко не всё понял. – И Ринат пересказал, как Афанасий Погорельский на свои именины шёл из магазина. Хотя десятого сентября никаких именин не было.

– Ничего не понимаю!

– Афанасий затопил соседей, ему помог осушить пол в ванной работающий при жэке Улубек, и Погорельский решил, что он его ангел-спаситель.

– Дурдом! – в сердцах воскликнул Наполеонов.

– А по-моему, всё очень логично, – встрял в разговор Легкоступов.

– А ты вообще молчи! Мастер высокого искусства! – Сле-

дователь наградил Валерьяна убийственным взглядом.

Но тот только пожал плечами и сказал:

– Я вам здесь больше не нужен, поэтому ухожу.

– Да! Сделай милость, исчезни!

Возле самой двери Легкоступов обернулся и проговорил ласково:

– Александр Романович! В аптеках «Вита» скидка на «Магний В6». Хорошо от плохого характера помогает.

Прежде чем Наполеонов успел что-то ответить, Легкоступов исчез.

Следователь обвёл подозрительным взглядом лица оставшихся сотрудников. Но если на них и были ухмылки, то они успели их благоразумно стереть.

– Ты сказал, что там была ещё некая Матильда. – Наполеонов пощёлкал пальцами.

– Александр Романович, она собака! – воскликнул Ринат.

– Мы тоже не ангелы, – пробурчал следователь.

– Матильда – болонка!

– Да понял я, понял. Поговорить нужно с её хозяйкой.

– Сделаем.

– Надо выяснить, знает ли кто-то женщину в синей куртке.

– Это что, опять всех обходить? – ахнул Аветик.

– Ничего не поделаешь, придётся. Тем более что нас интересует в первую очередь именно этот подъезд.

– Теперь твоя очередь топать, – подмигнул Ринат Григоряну.

Аветик направился к двери, когда Незовибатько, складывающий свой чемоданчик, проговорил лениво:

– Я бы на твоём месте, старлей, поговорил сначала со старушками у подъезда. Солнышко припекает, и божьи одуванчики высыпали насладиться последними солнечными деньками. Кстати, моя тёща говорит, что одуванчики в сентябре снова зацветают.

– Спасибо, Афанасий Гаврилович, – вежливо проговорил Аветик, – я, пожалуй, так и сделаю.

– Всё-то твоя тёща знает, – пробухтел Наполеонов. – Я вот чего-то не замечал, чтобы одуванчики в сентябре цвели.

– Это потому, что ты не туда своё внимание направляешь, – хмыкнул Незовибатько. – Жениться тебе надо! – и тоже скрылся за дверью.

«Сговорились они, что ли, все сегодня мне настроение портить», – подумал сердито Наполеонов и набрал номер сотового Мориса Миндаугаса.

– Слушаю, – почти сразу отозвался тот.

– Морис, – с места в карьер начал Шура, – ты в этом году варил варенье из одуванчиков?

– Одна баночка имеется, – осторожно ответил Морис.

– А когда ты его варил?

– В мае.

– А некоторые говорят, что одуванчики цветут в сентябре!

– Единичные экземпляры, – ответил Миндаугас, – но они на варенье не годятся.

– Жалко, что Незовибатько уже ушёл, а то бы я припечатал его вместе с его тёщей, – злорадно проговорил Наполеонов.

– Шура, у тебя что-то случилось? – забеспокоился Миндаугас, он даже хотел поинтересоваться, не обидел ли кто маленького следователя, но поостерёгся спрашивать об этом.

– Да ничего у меня не случилось, – отозвался следователь. – Всё хорошо, прекрасная маркиза.

– Ты в комитете?

– Нет, на убийстве. Пока, мне некогда.

– Пока, – вздохнул Миндаугас.

«Эти русские жутко непредсказуемые, – подумал он, – но я уже начал к этому привыкать».

Глава 3

Незовибатько оказался прав, и Григоряну не пришлось далеко ходить.

Любопытные старушки в цветастых, ещё по-летнему лёгких платьях тотчас окружили старшего лейтенанта, и он ощутил себя путником, внезапно оказавшимся среди заколдованного цветника, не подозревающего о близких осенних заморозках.

Пожилые дамы вывалили на его голову столько информации, что он только успевал её запоминать, а затем незаметно нажал в кармане на кнопку диктофона.

Аветик узнал, кто собирается жениться, разводиться, рожать, кто и с кем изменяет мужу, жене, у кого дети никчёмные лентяи, горлопаны и хулиганы, а у кого умники-разумники.

Наконец, Григоряну удалось вставить слово, и он спросил, не знает ли кто-то из уважаемых дам молодую блондинку в синей ветровке или куртке.

При слове «дамы» одни женщины кокетливо захихикали, другие откровенно рассмеялись, и даже была одна леди, которая заржала, буквально как полковая лошадь.

Но ответ он всё-таки получил, ему сообщили, что блондинистая девица ходит в пятую квартиру к Рашиду Каримову.

– Но последнее время её что-то не видать, – заметила дама

в платье с крупным синим горохом на белом фоне.

– По всему видно, что они пособачились, – заметила другая.

– Отчего вы так решили? – спросил Григорян.

– Так Рашид ходит насупленный. У него и так брови сросшиеся, а это чисто Соловей-разбойник! Мороз по коже! – Говорившая картинно поёжилась.

– А чем занимается Каримов? – поинтересовался оперативник.

– На автомойке работает.

– Так-то он парень хороший, – сочла необходимым заступиться за Рашида дама с высокой причёской в стиле восьмидесятых годов прошлого века, – и зарабатывает хорошо, и к старшим уважительно относится.

– К тому же он местный! – воскликнула женщина в пышной розовой юбке и синей блузке.

– То есть он здесь родился? – уточнил старший лейтенант.

– Родился он не здесь, а два квартала отсюда в роддоме, – важно пояснила ему самая высокая из женщин, – проживал в девятиэтажке на углу. А эта квартира Рашиду от бабушки с дедушкой досталась. Деду её завод дал, он на нём сорок пять лет проработал. Потом они с женой квартиру приватизировали да и завещали единственному внуку.

– А сами они умерли? – простодушно спросил Аветик.

– Типун тебе на язык!

Григорян ошалело уставился на пожелавшую ему это жен-

щину.

Соседка, сидящая рядом с ней, толкнула её в бок:

– Чего сразу на парня накинулась, он же не знал! Спросил по простоте душевной. Правда, сынок?

Аветик послушно кивнул.

– Ну, вот видишь! – сказала она своей соседке и, обернувшись к Григоряну, пояснила: – Дочь, то есть мать Рашида, взяла стариков к себе.

– Понятно, – облегчённо вздохнул Аветик. – А Рашид, значит, живёт в пятой квартире?

– Живёт, чего же ему, лосю эдакому, сделается, – рассмеялась старушка, сидевшая с самого края.

– Большое вам спасибо за помощь, – проговорил Аветик и поспешил поскорее нырнуть в спасительную глубину подъезда.

Отыскав Наполеонова, Аветик проинформировал следователя о том, что блондинка, имеющая синюю куртку, была девушкой Рашида Каримова, живущего в пятой квартире.

– Это тебе всё одна бабушка сказала? – хмыкнул следователь.

– Ошибаетесь, Александр Романович, бабушек было много! Целая скамейка! – выпалил Аветик.

– Ага, бабушек у нас теперь скамейками измеряют, – заметил Наполеонов.

– Ну, не попугаями же их мерить, – хмыкнул участковый, о существовании которого следователь уже благополучно за-

был.

– Я смотрю, тут одни умники собрались, – проворчал следователь. – Так вот, дуйте оба к этому Рашиду и узнайте у него, куда делась его девица и за что она убила квартиранта гражданки Поповой.

– Может, она его и не убивала, – заметил Ринат.

– Может, и не убивала, – покладисто согласился следователь, – только не стойте тут столбами! Идите работайте!

Разогнав всех, Наполеонов уселся за стол в гостиной заполнять протокол осмотра места преступления.

Калерия Геннадьевна с самым безучастным видом сидела на диване, сложив руки на коленях. Она уже и не чаяла, что весь этот кошмар когда-нибудь закончится.

Труп Костюкова давно увезли, но создавалось такое впечатление, что он сам или, вернее, дух его всё ещё находился здесь. И взывал к отмщению.

Попова поёжилась.

– Ничего, – успокаивал её Гусятников, – скоро всё это останется позади. Потерпите, Калерия Геннадьевна, ещё немного.

– Понятые, о чём это вы там шепчетесь? – спросил Наполеонов.

– О делах наших скорбных, – отозвался Василий Иванович.

– Ну-ну, – обронил следователь и снова сосредоточился на составлении документа.

– Стёпа, – между тем спросил участкового Аветик, – это ведь твой район, по идее, ты должен был знать девушку Каримова.

– Григорян! Ты шутишь?! Мне бы жильцов упомнить! А уж кто у них девушки или у девушек парни, мне неведомо. Сам знаешь, какие отношения сейчас у молодёжи: встретились в клубе, переспали, а утром разбежались.

– Саголатов, по-моему, ты всё упрощаешь.

– В смысле?

– В том смысле, что все парни и девушки разные, а ты подгоняешь всех под одну гребёнку.

– Ты что, философ? – обиделся Степан.

– Почему философ? – удивился Аветик.

– Ну, тогда психолог.

– А в нашей работе без знания психологии никак нельзя, – уверенно проговорил Григорян.

– Ты, извини, конечно, старлей, но ты, видно, собрался карабкаться вверх, может, генералом станешь. А я здесь, на земле, мне большие звёзды не светят.

– Звёзды всем светят одинаково, – не согласился Аветик, – только смотреть надо не только на землю, но и на небо.

– Эко ты хватил, – усмехнулся Степан.

– И дело не в стремлении сделать карьеру, дослужиться до больших чинов, – проигнорировал его ухмылку старший лейтенант.

– А в чём?

– А в том, что мы с людьми работаем! Простые люди ведь не с генералами общаются, а с тобой, со мной и с такими, как мы. Вот по нас они и судят о работе полиции.

– Это понятно, – вздохнул Саголатов, – но, поверишь ли, иногда так набегаешься! И хоть бы кто спасибо сказал. Такое впечатление, что никому до тебя дела нет.

– Стёпа, я это всё по себе знаю. Но нас ведь сюда никто не гнал, мы сами в полицию работать пришли. Так что…

– Взялся за гуж, не говори, что не дюж, – перебил его участковый. – Только у тебя получается, что ты во всём прав, а я кругом виноват.

– Никто тебя не виноватит, – вздохнул Аветик.

– А ведь ты прав, – неожиданно рассмеялся Степан. – Будем считать, что это меня совесть покусывает, вот я и огрызаюсь, не знаю, в каком именно месте мне почесать.

На этот раз рассмеялся Аветик:

– Я что-то не пойму, кто из нас больше философ.

– Ладно, проехали. Пошли поговорим с Каримовым, узнаем, что там с его девчонкой.

– Стёп, а ты не знаешь, где живёт Матильда?

– Матильда со своей хозяйкой Евдокией Филаретовной Игнатьевой живёт в двадцать первой квартире в доме напротив.

– Спасибо, Стёпа!

– Да не за что, – повёл широченными плечами Саголатов.

Дверь пятой квартиры им открыл кареглазый коротко остриженный брюнет выше среднего роста в спортивных брюках и в футболке с изображением летящего на полной скорости мотоциклиста.

– Рашид Юсупович Каримов? – спросил оперативник.

– Так точно, – не скрывая иронии, отозвался хозяин квартиры и скосил глаза на участкового, которого знал в лицо.

– Старший лейтенант Аветик Григорян. – Оперативник развернул корочки.

– А я ваш участковый, Степан Артемьевич, – лениво добавил Саголатов.

– И с чем пожаловали, господа хорошие? – насмешливо спросил Каримов.

– Не на пороге же разговаривать, Рашид Юсупович, – проговорил участковый. – Вы хоть бы для приличия в квартиру нас пригласили.

– Проходите уж, раз пришли. – Юсупов отступил в глубь прихожей.

Оперативник и участковый вошли следом за ним. Оба привычно натянули бахилы и под заинтересованным взглядом хозяина, обойдя его, прошли по коридору на кухню.

– Вы чего, голодные? – хмыкнул Рашид.

– С чего вы взяли? – удивился участковый.

– Так вы сразу, никуда не сворачивая, оба протопали на кухню, – пояснил Юсупов.

– Потому и протопали, – ответил Саголатов, – что коридор

по прямой упёрся в кухню.

– Понятно, любите прямые дорожки, – прокомментировал Рашид, но улыбаться перестал.

Его настораживал взгляд Аветика, который всё это время молча изучал хозяина квартиры.

– Садитесь, – сказал Рашид Каримов.

– Мы постоим, – тихо проговорил Григорян и спросил: – А где ваша девушка?

– Какая девушка? – казалось бы, искренне удивился Рашид.

– А что, у вас их много? – вопросом на вопрос ответил Аветик.

– Представьте себе, ни одной, – развёл руками Рашид.

– Вот уж ни за что не поверю, чтобы у такого ладного парня и ни одной девушки не было, – принялся сверлить его взглядом участковый.

– Была у меня девушка, Степан Артемьевич, была, ваша правда.

– Так где она?

– Вся вышла!

– Не темните, товарищ Юсупов!

– А я и не темню! – начал сердиться хозяин квартиры. – Поссорились мы с ней, и она ушла! И вообще, какое вам, собственно, дело до моей бывшей девушки?!

– Есть у нас к ней одно дело. Вы не помните, где она живёт?

– У меня амнезии нет, – огрызнулся Рашид, – поэтому я прекрасно помню её домашний адрес.

– И скажете его нам.

– С чего бы это?

– С того, что, как мы вам уже объяснили, у нас к вашей девушке…

– Бывшей девушке! – перебил его Рашид.

– Бывшей, – покладисто согласился участковый, – есть пара вопросов.

– А вы не могли бы задать их мне?

Участковый и оперативник переглянулись. После чего Аветик спросил:

– А из-за чего вы, собственно, поссорились со своей девушкой? Она вам изменила?

– Если бы! – вырвалось у Рашида.

Оба полицейских в полном недоумении уставились на парня.

– Ладно, – махнул он рукой, – не отвяжетесь же.

Полицейские дружно кивнули.

– Короче, она ободрала меня как липку!

– Обокрала? – тотчас спросил участковый.

– Теоретически можно сказать и так, – вздохнул Каримов.

– Вы заявление в полицию писали?

– Да какое там заявление! – замахал на него руками парень.

– Расскажите подробнее, – попросил Григорян.

– Короче, ко мне должны были из области приехать друзья. И Ольга, это моя бывшая девушка, – пояснил Рашид, – должна была приготовить праздничный ужин.

– А как её полное наименование? – быстро вставил участковый.

– Чьё наименование? – растерялся Рашид.

– Да девушки вашей!

– Ольга Витальевна Переверзева она. А что?

– Ничего, ничего, вы продолжайте.

– И продолжать особо нечего! Я, дурак, дал ей свою кредитку, так как сам был по самую макушку занят на работе, чтобы она купила всё что нужно.

– И она купила, – хмыкнул участковый, начиная догадываться о том, что произошло дальше.

– Купила, – кивнул Рашид и выпалил, кипя от злости: – Норковую шубу и шапку!

– И как она это объяснила?

– Очень просто! Шла она в супермаркет и вдруг увидела рекламу мехового магазина об офигенных, с её слов, скидках на все меха. Вот она и не удержалась! – Рашид скорчил зверскую мину и погрозил кулаком. А потом добавил с трагическим скепсисом: – Тем более что денег на карточке вполне хватало и на меха, и на продукты.

– То есть ужин она всё-таки приготовила? – осторожно спросил Аветик.

– Скудный! – отрезал Рашид, давая понять, что эта тема

закрыта.

– И вы из-за этого поссорились? – всё-таки рискнул уточнить участковый.

– Я просто выгнал её вон! – Глаза Рашида гневно сверкнули.

– Мы понимаем вас, Рашид Юсупович, – заверил его Саголатов, – но нам всё-таки необходим адресок вашей бывшей подруги.

– Что она ещё натворила?!

– Мы этого пока не знаем, – уклончиво ответил Аветик, – но у вас в подъезде убили квартиранта гражданки Поповой.

– Вдовы профессора? – удивился Рашид.

– Да.

– Когда?

– Несколько дней назад. Труп уже начал…

– Только без подробностей! – перебил его, брезгливо поморщившись, Каримов.

«Надо же, какой впечатлительный, – с иронией подумал участковый, – а по внешнему виду и не скажешь».

Григорян пожал плечами:

– Без подробностей так без подробностей.

– Подождите, я что-то не понял, – проговорил Рашид, – вы что же, думаете, что его убила Ольга?!

– Мы этого не знаем, – тихо обронил Аветик.

– Да вы рехнулись, господа офицеры! – демонически расхохотался Каримов.

– Не надо так нас обижать, – укоризненно проговорил участковый, – ведь ваша девушка блондинка?

– Блондинки у нас на каждом углу пачками встречаются!

– Она носит синюю ветровку.

– Ну и что с того? Ветровка-то не от кутюр, обыкновенный ширпотреб!

– Всё это так, – закивал участковый, – но проверить-то надо.

– Опомнитесь! Где моя Ольга и где этот квартирант Поповой! Им же даже пересечься было негде!

– Ну почему же негде? – не согласился Григорян. – Например, в этом подъезде.

– Ольга была моей девушкой! – рявкнул Каримов.

«Тоже мне Отелло местного разлива нашёлся», – сердито подумал участковый и напомнил:

– Вы нам сами только что сказали, что поссорились с ней.

– Ну и что?!

– А то! После того как вы поссорились со своей девушкой и выгнали её, она могла посчитать себя свободной от обязательств, которые вас связывали, и наведаться в гости к квартиранту Поповой.

– Что за бред вы несёте! – возмутился Рашид. – Вы хоть сами себя слышите?!

Не обращая внимания на возмущение Каримова, участковый спросил:

– Когда, вы говорите, ссора-то у вас, Рашид Юсупович, с

вашей девушкой произошла?

– Полторы недели уже прошло!

– Ну вот видите, за это время девушка вполне могла найти себе нового кавалера, – не моргнув глазом заявил Саголатов.

Каримов, ослеплённый яростью, как танк, двинулся в сторону участкового.

– Тише, тише, – преградил ему путь Аветик, – это всего лишь предположение.

– И я о том же, – подал голос из-за его спины участковый, – но проверить-то надо.

– Ладно, шайтаны! Проверяйте! На Дерюгина она живёт, в восемнадцатом доме, квартира четырнадцать.

– Вот и ладушки, – обрадовался участковый и, не удержавшись, по-отечески ласково укорил хозяина квартиры: – Экий вы нервный, Рашид Юсупович.

– Будешь с вами нервным, – сердито проворчал начинающий приходить в себя Каримов. – Всё уже? Или ещё чего?

– Нет, больше ничего! Не извольте беспокоиться – дорогу мы сами найдём, – заверил его Саголатов и первый заспешил к выходу.

– Вы не переживайте так, – тихо проговорил Аветик. – Жизнь ведь длинная, и в ней всякое бывает. – В глубине души Григорян сочувствовал Рашиду. – Может, вы ещё и помиритесь со своей девушкой, – попытался оперативник ободрить вконец расстроенного парня.

– Ноги её в моей квартире больше не будет! – рявкнул

Каримов.

– Что ж, как скажете. До свидания. – И Аветик заспешил вслед за участковым, который к этому времени уже вышел из квартиры.

– Вы просто скороход, Степан Артемьевич, – проговорил с улыбкой, догнав его на лестнице, Аветик.

– Не люблю я нервных. – Участковый состроил смешную мину.

– А кто их любит, – проговорил Григорян. – Только среди контингента, с которым нам приходится соприкасаться, добродушный люд встречается редко.

– И то верно, – вздохнул участковый и спросил: – Ты сейчас куда?

– Отзвонюсь следователю и съезжу к этой Переверзевой.

– А я, если ты не возражаешь, вернусь на свой участок.

– Не возражаю. Думаю, дама не будет отстреливаться из пулемёта.

– Я тоже так думаю, – улыбнулся участковый. – Если что, звони. Покудова, старлей.

– Пока, Саголатов.

Возвращаться в квартиру Поповой Григоряну не хотелось. Поэтому, оглядевшись вокруг, Аветик заметил пустую лавочку, стоявшую наискосок от детской площадки, и направился к ней неспешным шагом.

Присел, вдохнул пряный воздух, пахнущий вянущей листвой, жадно цветущими цветами, словно спешащими как

можно полнее насладиться временем, оставшимся до первых заморозков, и влагой от маленького, пылящего искристой росой фонтанчика. На низких кустиках остриженной жимолости радостно чирикали воробьи.

«Хорошо-то как, – подумал Аветик, – не зря многие великие любили осень».

На ум ему невольно пришли строки Ованеса Туманяна:

Снова птицы прилетели,
Издалёка прилетели.
Прилетели, песню спели.
Осень на дворе.
Все в нарядных жёлтых платьях,
Ходят все по жёлтым листьям,
По стерне тихонько ходят.
Осень на дворе.
Кукарекай, петушок,
Спой же песню, мой дружок,
Осень на дворе.

Глава 4

Наполеонов откликнулся сразу:

– Ты чего, Григорян, звонишь? – ворчливо спросил он. – В квартиру подняться лень?

– Лень, – легко согласился Аветик, хотя подниматься ему туда не хотелось вовсе не из-за лени, и Наполеонову это было прекрасно известно. Но такой уж у следователя был нрав, и оперативник старался лишний раз не нарываться.

– Александр Романович, мы с участковым Стёпой Саголатовым поговорили с жильцом из пятой квартиры Рашидом Юсуповичем Каримовым. У него действительно была девушка, некая Ольга Витальевна Переверзева, но они поссорились полторы недели назад и расстались.

– Причина ссоры – ревность? – оживился следователь.

– Нет, – ответил Аветик, – обычное женское мотовство.

– Что ты хочешь этим сказать? – не понял следователь.

– Да ничего особенного, просто она сняла у него с карты деньги и потратила их на шмотки.

– И сколько сняла?

– Мы не уточняли, но примерно можно прикинуть: она купила норковую шубу и шапку. На мой дилетантский в этом вопросе взгляд, получается больше ста пятидесяти тысяч.

– Ни фига себе, ничего особенного! – вырвалось у следователя. – Да я бы придушил её, если бы она деньги слямзила

с моей карточки.

– Не знал, что следователи бывают такими кровожадными, – пошутил оперативник.

– Ты доживи до моих лет!

Аветик не стал напоминать следователю, что разница у них в возрасте невелика, вместо этого он сказал:

– Каримов дал нам адрес девушки, я хочу к ней съездить.

– Езжай, голубчик мой, – прошелестел следователь тоном старой нянюшки и добавил уже своим обычным голосом: – Потом доложишь.

– Куда же я денусь, – отозвался Аветик и поспешил отключиться, дабы избежать ещё пары-тройки инструкций, которые так обожал давать Александр Романович. По мнению Григоряна, компенсируя своей значительностью небольшой рост.

Дом на Дерюгина под номером восемнадцать стоял как бы на отшибе. Под окнами как раз со стороны подъездов росли высоченные синие ели. Макушки деревьев почти дотягивались до крыши.

«Бедные, как же они там живут, – подумал о жильцах дома Аветик, – ведь у них, наверное, постоянно темно».

Поднявшись на этаж, Григорян нажал на кнопку звонка нужной ему квартиры, прислушался. Он уже поднял руку, чтобы позвонить второй раз, но тут из-за двери раздался девичий голос:

– Кто там?

– Полиция, откройте!

Дверь распахнулась так неожиданно быстро, что Аветик даже отступил на один шаг назад. Тем более что из квартиры выскочила разгневанная фурия и яростно накинулась на него:

– Подлец! Мерзавец! Гад, скупердяй! Да подавись ты своими деньгами!

– Минуточку! – Григорян сделал рукой останавливающий жест. – Гражданка, успокойтесь, пожалуйста.

Девушка перестала кричать так же резко, как начала скандалить. Она смерила Аветика взглядом с головы до ног и приказала тоном, не терпящим возражения:

– Заходи!

И он героически шагнул вперёд. Она провела его в небольшую уютную комнату с весёленькими обоями и светло-жёлтыми занавесками.

– Садись! – велела она ему и чуть ли не толкнула оперативника на диван, обтянутый чехлом в тон занавескам, плюхнулась рядом с ним: – А теперь признавайся!

– В чём? – ошалело выдохнул Григорян.

– Рашид на меня телегу накатал?! Заявил, что я воровка?

– Нет, – поспешил разуверить её оперативник, – ничего такого он не делал.

– Так как же вы оказались здесь?!

– На автобусе приехал, – честно признался Аветик.

– Издеваешься? – спросила она.

– Ни в коем разе! – заверил он её. – Но для удобства давайте перейдём на «вы».

– Это ещё почему? – ощетинилась она.

– Потому что я не ваш приятель, а официальное лицо.

– Лицо, – проворчала она, потом добавила: – Надо сказать, что лицо очень даже симпатичное, можно даже сказать, красивое.

– Гражданка Переверзева! – рявкнул оперативник, которому уже надоело пререкаться с девицей, которая произвела на него не лучшее впечатление.

– О! – воскликнула она. – Он ещё и рычать умеет.

– За что вы убили гражданина Костюкова?!

– Чего я сделала? – изумилась она.

– Челюсть с пола поднимите, – усмехнулся Аветик, – и отвечайте на вопрос: зачем вы убили Костюкова?

– Какого ещё Костюкова?! Ты чего гонишь?! – закричала она.

– Гоните, – ласково поправил Григорян.

– Гоните, – послушно, как загипнотизированная, повторила она.

– Квартиранта гражданки Калерии Геннадьевны Поповой.

– Не знаю я никакого Костюкова! И Попову не знаю! – взвизгнула девушка.

– Разве? Тогда поясните, почему вы в день убийства вынеслись из подъезда, как цунами, и буквально чуть не сбили двух человек?

– Какого убийства?

– Я же уже вам сказал – гражданина Костюкова.

– А я уже сказала, что никакого Костюкова не знаю! И из подъезда я не выбегала, а вышла нормальным шагом.

– Вас видели два свидетеля!

– Когда?

– Десятого сентября.

– Фи! Десятого сентября я и близко к тому дому не подходила! Как мы разругались с Рашидом полторы недели назад, так я и дорогу туда забыла.

– Вы уверены?

– Ещё бы!

– А где вы были десятого сентября?

– Днём на работе! Вечером с подругами в Филармонию ходили.

– Имена, фамилии подруг и место вашей работы.

– Да, пожалуйста, – фыркнула она и продиктовала ему без запинки всё, что он просил.

Аветик посмотрел на девушку оценивающе.

– Чего смотрите, товарищ полицейский? На мне узоров нет!

– Это точно, – отозвался он и поднялся с дивана.

– Вы куда? – вскочила Ольга Переверзева за ним следом.

– Алиби ваше проверять!

– А! Проверяйте. А этому жлобу скажите, что верну я ему всё до копеечки!

– Какому жлобу? – не сразу уловил её мысль думающий о другом оперативник.

– Как какому?! – всплеснула она руками. – Рашиду, конечно.

– Хорошо, передам. Думаю, что это его успокоит.

– Ну ещё бы! – фыркнула она язвительно. – Он за копейку готов любимую девушку удушить.

– Послушайте, Ольга Витальевна, не могли бы вы мне дать одну из своих фотографий?

– Понравилась, что ли? – кокетливо подбоченилась она.

– Очень! – заверил её оперативник.

Она принесла ворох фотографий.

– Вот, выбирай, ещё не успела по альбомам рассовать.

Он ловко выудил ту, на которой улыбающаяся девушка стояла в синей ветровке. Волосы её развевал ветер.

– У тебя есть вкус, – одобрила она.

– Спасибо. До свидания.

– Приходи ещё, как соскучишься, – напутствовала она его, забыв о том, что он официальное лицо и обращаться к нему следует на «вы».

И когда он уже открыл дверь, Ольга окрикнула его:

– Подожди-ка.

Он нехотя обернулся и устремил на неё вопросительный взгляд.

– Я вспомнила! – Девушка радостно шлёпнула себя ладонью по лбу. – Ведь точно! В тот день, когда я ушла от Раши-

да, меня видели двое, как ты и говорил!

Аветик повернулся теперь всем корпусом:

– Двое мужчин?

– Почему это мужчин? – удивилась девушка. – Это были женщины! Вернее, болонка и её хозяйка.

– Матильда? – упавшим голосом спросил Григорян.

– Может, и Матильда, – отозвалась потерявшая к нему интерес Переверзева и махнула рукой: – Ладно уж, иди.

Аветик, оказавшись на лестничной площадке, облегчённо перевёл дух и припустил бегом вниз по лестнице. О Каримове он подумал, что тот легко отделался.

С автобусной остановки оперативник позвонил следователю и, когда тот проговорил: «Слушаю, Аветик», Григорян доложил:

– Поговорил я с Переверзевой. Она утверждает, что десятого сентября и близко не подходила к интересующему нас дому.

– Мало что она говорит, – буркнул Наполеонов.

– Ольга Витальевна утверждает, что в тот день, когда она вышла из подъезда после ссоры с Каримовым, её видели целых два свидетеля. – При слове «два» Аветик невольно улыбнулся, благо следователь Наполеонов видеть его не мог.

А Наполеонов зацепился именно за это слово, вызвавшее улыбку у оперативника:

– Видишь, как оно выходит! Два свидетеля её видели!

– Ну да, соседка по двору Евдокия Филаретовна Игнатье-

ва из дома напротив и её болонка Матильда.

– Тьфу! – выругался следователь. – Опять эта болонка! А кто второй свидетель?

– Так Матильда же! Но это не я сказал, а Переверзева, – быстро добавил оперативник.

– Она что, умом тронулась?

– Я бы так не сказал, – задумчиво проговорил Аветик.

– Но сомнения на этот счёт, как я догадываюсь, у тебя имеются? – хмыкнул Наполеонов.

– Просто девушка с некоторыми странностями. Но это ни о чём не говорит.

– Пожалуй, ты прав, – согласился следователь, – у всех у нас свои тараканы.

Аветик благоразумно промолчал.

– И что ты намереваешься делать дальше?

– Хочу поговорить с Евдокий Филаретовной.

– Ты думаешь, что Игнатьева подтвердит слова Переверзевой?

– Боюсь, что да, – осторожно заметил Аветик.

– Ага, только свидетель у твоей Ольги Витальевны один! Болонка в счёт не идёт.

– Она не моя.

– Кто? Болонка?

– Нет, девушка.

– Слушай, Григорян! – воскликнул Наполеонов. – А у тебя вообще девушка есть?

– Пока я ещё не встретил свою единственную, – серьёзно ответил Аветик.

– Да когда же ты её встретишь, если ты всё время то, как гончая, бегаешь, высунувши язык, то сидишь, уткнувшись в свои кроссворды! Ты думаешь, что девушки умных любят? – спросил следователь и сам себе ответил: – А они богатых любят.

– Девушки разные бывают, – всё так же серьёзно ответил Григорян.

Аветика так и подмывало указать следователю на то, что, хотя он старше его и по годам, и по званию, у него у самого никакой девушки не имеется, кроме подруги детства Мирославы Волгиной. Но это не считается.

Однако оперативник благоразумно промолчал, прекрасно зная, что ввязываться в пререкания со следователем себе дороже.

Наполеонов расценил молчание оперативника по-своему и спросил:

– А где ты сейчас, Аветик?

– На автобусной остановке. Вот и автобус мой как раз подходит.

– Слушай, Аветик, ты уже, наверное, все ноги стоптал и не обедал ещё, давай я к этой Матильде, тьфу, Филаретовне пошлю Славина! – пожалел следователь старлея.

– Да нет, не надо, Александр Романович! Мне лучше самому это дело завершить, – проговорил Аветик, проходя

вовнутрь автобуса, – да и не устал вовсе.

– Ну, смотри.

– Да, ещё!

– Что такое?

– Я взял у Переверзевой её фотографию, где она в синей ветровке.

– Утянул, – усмехнулся следователь.

– Нет, попросил.

– И она дала?

– Дала.

– Экая дурища! – полувосхищённо-полупрезрительно охарактеризовал девушку следователь.

– Я думаю, что она не такая уж глупая, – заступился за Ольгу Григорян, – думаю, что она сообразила, что фотографию её мы и так раздобудем. А тут она её, получается, добровольно выдала.

– Может, ты и прав, мой юный психолог, – с тонкой иронией заметил Наполеонов. – Не забудь показать фотографию Гусятникову и Погорельскому.

– Как можно, Александр Романович! – с едва уловимой обидой в голосе отозвался Аветик.

– Ладно, Григорян, ты не обижайся, я в твоей памяти не сомневаюсь, но напомнить лишний раз младшему товарищу никогда не помешает.

Оперативник ничего не ответил.

– Я ещё чего хотел тебе сказать, – вздохнул следователь.

– Слушаю.

– Слушает он, – усмехнулся Наполеонов. – Ты, надеюсь, понимаешь, что тот факт, что Переверзеву видели после её ссоры с Каримовым, ни о чём не говорит.

– В смысле?

– В том смысле, что она могла вернуться десятого сентября и убить Костюкова.

– Могла, – согласился Григорян. – Только зачем?

– Вот это нам и предстоит выяснить. Отбой, – проговорил следователь и отключился.

«Вот зануда», – подумал Григорян, подавив вздох, но тут же напомнил себе, что с Наполеоновым работать не так уж плохо. А ведь бывают и такие следователи, что хоть караул кричи.

Автобус останавливался в пяти минутах быстрой ходьбы от дома, где произошло убийство. Аветик дошёл за четыре, он уже хотел направить свои стопы к нужному ему дому, как, услышав звонкое собачье тявканье, невольно обернулся.

«Уж не Матильда ли собственной персоной?»

Так и есть, неподалёку от клумбы сидела болонка точь-в-точь такого цвета, в какой красятся женщины, чтобы выглядеть платиновой блондинкой.

А вот хозяйки поблизости не наблюдалось.

Аветик повертел головой во все стороны.

«Куда же она подевалась?» – подумал он.

А потом заинтересовался, отчего собака сидит возле

клумбы и тявкает не переставая.

Он подошёл поближе и заметил, что болонка уставилась в одну точку. Оперативник проследил за её взглядом и увидел лежащий среди розовых и лиловых петуний небольшой красный мяч.

– Игрушка твоя на клумбу улетела? – сочувственно спросил болонку Аветик.

– У-у, – подтвердила та его предположения.

– Сейчас достанем, – пообещал он.

– Гав! – «пожалуйста, поскорее» – перевёл Аветик короткий собачий звук.

Григорян осторожно прошёл по краю клумбы, протянул руку и, достав мяч, бросил его собаке.

– Гав, гав! – радостно залаяла болонка.

Аветик решил, что болонка благодарит его, и ответил:

– Да, пожалуйста, играй на здоровье своим мячом, только больше не закидывай его на клумбу.

– У-у, – ответила понятливая Матильда, схватила мячик зубами и потащила его на заасфальтированную площадку.

– Умная собака, – восхитился оперативник и пошёл вслед за ней. – Если бы ты ещё могла мне сообщить, где твоя хозяйка, совсем всё было бы хорошо, – проговорил он на ходу.

– Вав, вав! – ответила Матильда, выпустив мяч из зубов.

– Не понял? – развёл Аветик руками.

Собака посмотрела на него сочувственно, снова схватила мяч и поднесла его к ногам Григоряна.

– Ты мне его даришь? – удивился оперативник, но потом, посмотрев в умные, блестящие от возбуждения глаза собаки, догадался: – Ты хочешь, чтобы я с тобой поиграл?

– Гав! Гав! – поощрила его догадку Матильда.

Оперативник взял мяч и, размахнувшись, бросил его в сторону заасфальтированной дороги.

Кажется, он не рассчитал силу броска, так как мяч улетел за угол, и оттуда раздался женский вскрик:

– Ой, батюшки!

Аветик схватился за голову и помчался в ту сторону. Правда, болонка его опередила. Когда он вывернулся из-за угла, то увидел женщину, собирающую свёртки, пакеты и пластиковые бутылочки с ряженкой и молоком.

– Простите меня, пожалуйста! – воскликнул оперативник и бросился помогать женщине.

– Вас-то за что? – удивилась она. – Это всё Матильда, – проговорила женщина ворчливым голосом, в котором не было ни капли злости.

– Это я, – признался Аветик.

– Что – вы? – спросила женщина, укладывая в сумку последний свёрток.

– Так неудачно бросил мяч, – уныло вздохнул оперативник.

– Так вы играли с Матильдой? – обрадовалась хозяйка. – А то я волновалась, как она тут одна, моя девочка. Сто раз обещала себе не оставлять её без присмотра. А тут приятель-

ница позвонила, сказала, что вечером в гости приедет, и вот пришлось бежать в магазин. Я подумала, что всё обойдётся.

– Оно бы и обошлось, если бы я не влез со своими услугами Матильде…

– С какими услугами? – удивилась женщина.

– У неё мяч на клумбу залетел, она попросила меня его достать, а потом мы решили поиграть, – Аветик улыбнулся и развёл руками.

– Давайте знакомиться, – решительно заявила хозяйка собаки, – меня зовут…

– Евдокия Филаретовна, – обезоруживающе улыбнулся Аветик.

– Откуда вы знаете? – растерялась Игнатьева и тут же насторожилась: – Вы, собственно, кто?

Григорян достал удостоверение.

– Старший лейтенант Аветик Григорян.

– Вот оно что! – промолвила женщина.

– В том доме, – он кивнул во двор, – произошло убийство.

– Я знаю, – ответила Евдокия Филаретовна.

– Откуда? – на этот раз насторожился Григорян.

– Об этом болтают все кому не лень.

– А вы знали убитого?

– Откуда?! Он же не жил в этом дворе, а говорят, только снимал квартиру у Поповой для встреч с любовницей.

– Что, даже такие подробности известны? – удивился Аветик.

– А вы как думали, – улыбнулась Игнатьева. – Кстати, ведь и сама Калерия Геннадьевна прожила здесь совсем недолго.

– Отчего же?

– Этого я не знаю, – пожала плечами женщина. – Может, не привыкла она одна жить. Ведь к одиночеству тоже привычка требуется, – незаметно для оперативника вздохнула Игнатьева.

– Оно конечно, – не слишком уверенно согласился Григорян.

Сам он втайне от родителей с некоторых пор стал задумываться об отдельном жилье. Например, о съёмной квартире. Но завести об этом разговор с семьёй пока не решался – боялся огорчить мать.

Евдокия Филаретовна, по всей видимости, угадала мысли оперативника и сказала:

– В молодости это называется не одиночеством, а свободой.

– Что? – встрепенулся Аветик.

– Я говорю, – улыбнулась женщина, – когда молодой человек или девушка живет отдельно от родителей, то это свобода, а вот когда на старости лет приходится жить одному – это уже одиночество. Калерии Геннадьевне в этом смысле повезло, у неё есть дети, которые быстро заметили, что отдельное проживание её тяготит, и забрали мать к себе.

– Понял, – проговорил Аветик и спросил о том, зачем, собственно, и пришёл: – Евдокия Филаретовна, скажите, по-

жалуйста, а гражданка Ольга Витальевна Переверзева вам знакома?

– А кто это такая? – удивилась Евдокия Филаретовна.

– Минуточку. – Оперативник достал фотографию девушки и протянул женщине.

– А, эту я знаю, – сказала Игнатьева, – она с Рашидом Каримовым живёт. Но, опять же, говорят, что она его бросила. – Евдокия Филаретовна на мгновение призадумалась и продолжила: – Или он её выгнал.

– А когда вы её в последний раз видели?

– Так сразу и не припомню, но уже недели полторы точно прошло. – Женщина переступила с ноги на ногу и переложила сумку из одной руки в другую.

«Вот осёл, – мысленно обругал себя Аветик, – сумка-то тяжёлая, а я разговоры разговариваю».

– Давайте я подержу, – сказал он и протянул руку.

Игнатьева охотно отдала ему свою сумку. Она и впрямь была нелёгкой.

– Давайте я провожу вас до квартиры, – предложил Григорян.

– А давайте, – согласилась женщина.

Донеся сумку до двери квартиры, оперативник хотел уйти.

– Погоди, сынок, – остановила его Евдокия Филаретовна, – донеси, пожалуйста, до кухни.

Он послушно выполнил её просьбу и собрался уходить.

– Не торопись, иди помой руки, а я пока на стол накрою.

– Что вы! – смутился Аветик.

– Возражения не принимаются, – твёрдо заявила Игнатьева. – У меня знаешь какая куриная лапша, ты язык проглотишь.

– Ну разве что, – улыбнулся оперативник.

– Ванна через две двери по коридору.

Вскоре они уже сидели за столом и ели куриную лапшу. Хозяйка не обманула, лапша и впрямь была такой вкусной, что Аветику захотелось попросить добавки, но он постеснялся.

Хозяйка сама догадалась и щедро добавила ему ещё два половника и положила большую куриную ножку.

«Небось с утра не ел, – подумала она, – а мальчик-то вежливый, воспитанный, сразу видно, что из хорошей семьи, и чего его, бедолагу, в полицию-то занесло?»

– А кем ваш папа работает? – не сдержав любопытства, спросила Евдокия Филаретовна.

– Отец преподаёт на кафедре теории и истории государства и права, – ответил Аветик.

«Большая шишка, видать», – подумала про себя женщина и задала новый вопрос:

– А ваша мама домохозяйка?

– Нет, моя мама педиатр, – расправившись с лапшой, ответил Аветик.

– Нужная работа у вашей мамы, – одобрила Игнатьева.

Мама Аветика Айкуш Багратовна на самом деле практически всю свою сознательную жизнь работала врачом в детской поликлинике.

Родители стремились отвести своих детей именно к ней. И не только потому, что Айкуш Багратовна Григорян была добрым, отзывчивым человеком, искренне любящим своих маленьких пациентов, но и потому, что она была опытным специалистом и на протяжении всех лет своей работы врачом неустанно повышала уровень своих знаний, живо интересуясь всеми новшествами и открытиями в медицине.

После куриной лапши Евдокия Филаретовна налила Аветику большую чашку крепкого чая.

– Сахар клади сам, – сказала она, – и вот ещё варенье, – она пододвинула ему вазочку со сливовым вареньем. А к чаю отрезала большой кусок пирога с курагой и яблоками и поставила рядом изящное блюдо, на котором, точно ромашки или солнышки, теснились миниатюрные ватрушки с творогом.

Женщина сидела рядом и с наслаждением смотрела, как молодой человек уписывает её угощение.

Когда он поел и поблагодарил её, Игнатьева сказала:

– Давай я тебе ещё с собой дам.

– Что вы, не надо! – испуганно запротестовал Аветик.

– Товарищей угостишь, – отмела его возражения хозяйка, – они небось тоже голодные.

Аветик не знал, что и сказать, но свёрток, вручённый хо-

зяйкой, взял, так как боялся обидеть гостеприимную женщину.

Накормленная Матильда всё это время сидела на своём матрасике и смотрела на оперативника преданными глазами. Когда он собрался уходить, собака тихо гавкнула.

– Что она сказала? – тихо спросил Аветик, ласково поглаживая болонку.

– Сказала, чтобы вы нас не забывали и заходили к нам почаще, – улыбнулась Евдокия Филаретовна.

– Непременно, – неуверенно пообещал Аветик и покраснел, как красная девица.

– Да не смущайся ты так, – добродушно улыбнулась Игнатьева, – мы же понимаем, что вам, полицейским, при вашей, извините, собачьей работе по гостям особо расхаживать и некогда. Пригласив тебя, мы с Матильдой просто соблюли приличия.

– Нет, я зайду, – пылко проговорил Аветик, – непременно зайду! Вот увидите!

– Что ж, будем ждать, – улыбнулась женщина с лёгкой грустью.

Аветик уже отметил про себя, что добрая женщина обращается к нему то на «вы», то на «ты», сбиваясь с официального на душевное, материнское обращение, присущее многим женщинам возраста Евдокии Филаретовны.

На прощание ещё раз спросив Евдокию Филаретовну о том, точно ли она видела Ольгу Переверзеву последний раз

именно полторы недели назад, и получив от Игнатьевой положительный ответ, Аветик побежал показывать её фотографию другим свидетелям.

Он почти дошёл до дома напротив, как зазвонил его телефон.

«Мама», – улыбнулись глаза и губы Аветика.

– Мама, я слушаю, – сказал он.

– Дед сказал, что ты сегодня на обед не забегал, – проговорила Айкуш Багратовна. – В кафе перекусил?

– Нет, мам, меня тут одна свидетельница накормила.

– Мир не без добрых людей, – отозвалась Григорян, и Аветик догадался, что мать улыбается.

– Так что ты, мама, не волнуйся, – сказал он, – и извини, – его голос прозвучал слегка виновато, – мне бежать надо.

– Что ж, беги, сынуля. Вечером, может быть, увидимся.

– Надеюсь, что да, – проговорил он и отключился.

* * *

Иван Фёдорович Кузнецов, у которого выскочившая из подъезда девушка выбила ведро, вертел фотографию Ольги Переверзевой и так и сяк, а потом заявил:

– Очень я сомневаюсь, что это она.

– Почему?

– Не знаю, как объяснить, но не она это! – В сердцах пенсионер хлопнул фотографией о столешницу.

– Но всё-таки, Иван Фёдорович, соберитесь, – умоляюще проворил Григорян.

– Чего мне собираться-то! Не она это! – продолжал упорствовать Кузнецов и наконец выдал: – Та ростом была повыше!

Григорян вздохнул и направился к двери.

Зато Афанасий Андреевич Погорельский признал девушку сразу.

– Это она! Зуб даю! – возбуждённо воскликнул он. – Точно говорю тебе, она!

Так как Афанасий Андреевич был уже в весёлом состоянии духа, особой веры у оперативника он не вызывал.

Распрощавшись с Погорельским, Аветик поехал к следователю и застал там в сборе всю честную компанию.

Недолго думая, он выложил на стол угощение из свёртка, вручённого ему хозяйкой несравненной Матильды. Правда, чуток ватрушек припрятал, чтобы дать попробовать родителям и деду.

На столе тотчас появился заваренный из пакетиков чай, и уже через несколько минут от пирогов и ватрушек не осталось ни крошки.

– Чтоб я так жил! – подвёл итог чаепитию следователь и добавил: – В следующий раз сам буду обходить всех свидетелей и торбу прихвачу с собой повместительней.

– А если никто не подаст? – пошутил Ринат.

– Умеешь ты, Ахметов, настроение человеку испортить, –

проворчал Наполеонов. – Ладно, переходим к делу. Рассказывай, старлей, – обратился он к Григоряну.

– Евдокия Филаретовна Игнатьева, на которую и ссылалась Ольга Переверзева, заявила, что видела девушку последний раз полторы недели назад.

– Она могла вернуться позднее, зайти к Костюкову, отравить его и убежать при этом, не попавшись на глаза хозяйке твоей Матильды, – повторно озвучил свою версию следователь.

Григорян в ответ пожал плечами и сказал:

– Иван Фёдорович Кузнецов утверждает, что с ног его чуть не сбила вовсе не Переверзева.

– А кто?!

– Другая девушка.

– А что второй свидетель? – спросил следователь.

– Афанасий Андреевич Погорельский не сомневается, что столкнулся в тот день с Ольгой.

– Вот видишь, – обрадовался Наполеонов.

– Александр Романович! Но он же не совсем трезвый! – укоризненно проговорил Аветик.

– Ну и что!

– Вообще-то, Аветик прав, – встал на сторону Григоряна Ринат. – Этот Афанасий и в вас, Александр Романович, узнает кого угодно! Ту же Ольгу Переверзеву!

– Хорошо, предположим, – нехотя согласился следователь. – А чем Кузнецов аргументирует своё неопознание сви-

детельницы?

– Трудно сказать, – замялся Григорян, – он, например, говорит, что та девушка была выше Ольги.

– Как можно сравнивать рост живого человека и изображённого на фото? Объясните мне бестолковому! – неожиданно разбушевался следователь.

– Да не знаю я! – воскликнул Аветик. – Просто Кузнецов видит, что на фотографии другая девушка!

– Не кричи на старшего по званию!

Григорян, отчаявшись что-то доказать следователю, махнул на него рукой.

– И не маши на меня! – рассердился Наполеонов.

– Граждане громадяние, – пробасил Незовибатько, – вы фотографию не захватали?

– Нет, – ответил Григорян, – перед тем как её свидетелям показывать, я обернул её в целлофан.

– Молодец! Вот сравню отпечатки Переверзевой с отпечатками, найденными в квартире, тогда и спорить будете.

– Тогда спорить не о чем будет, – подвёл итог спора Ахметов.

– Жену Костюкова нам оповестить о смерти мужа не удалось.

– Почему? – раздалось сразу несколько голосов.

– Гражданки Костюковой дома не оказалось. Вот, – Наполеонов указал рукой на Славина, – Дима ездил к Костюковым домой.

Славин согласно кивнул.

– Может, она в магазин вышла? – спросил кто-то.

– Не похоже, – отозвался старший лейтенант.

– А что говорят соседи?

– Безмолвствуют.

– То есть?

– Ни в одной квартире, расположенной на одной площадке с квартирой Костюковых, никого не оказалось дома. Соседи сверху и снизу ничего не знают.

– Неудивительно, теперь даже те, что живут на одной площадке, могут ничего не знать друг о друге.

– Разберёмся, – сказал следователь. – Съездишь к ней ещё раз вечером.

– Съезжу, – согласился Славин, – куда ж я денусь.

Глава 5

Наполеонов считал, что случай или убийца, сам того не желая, сделал им подарок, не прихватив с собой паспорта жертвы.

Правда, было непонятно, зачем в таком случае он забрал с собой его телефон. Если отбросить версию об ограблении, а её следователь сразу отложил в сторону, то возможны варианты. Либо убийца, обезумев от страха, просто не понимал, что он делал, либо на телефоне имелись конфиденциальные сведения или переписка, не предназначавшаяся для посторонних глаз. И второй вариант казался следователю более верным.

Наполеонов решил, что надо непременно озадачить специалистов поисками телефона. Даже если взявший телефон Костюкова не пользуется им и его нет в Сети, но должна же современная техника проследить хоть какой-то след. И если с телефоном пока было непонятно что, зато паспорт убитого не только сообщил о месте прописки Костюкова, или, как теперь лукаво говорят, о месте регистрации, но и о том, что он женат на некой Анне Леонидовне Костюковой.

Для разговора с вдовой Вадима Аркадьевича Костюкова Анной Леонидовной следователь выбрал молодого оперативника Дмитрия Славина.

И сделал он это далеко не случайно. На высокого блон-

дина с ореховыми глазами женщины смотрели благосклонно не только из-за его внешней привлекательности, но и умения, когда нужно, держать себя галантно. К тому же Дмитрий был умён и образован. При случае мог поговорить не только на темы криминалистики и психологии преступного мира, но и о литературе, театре, живописи, что было оперативнику особенно близко, благо отец его владел художественной галереей, а сам он окончил художественное училище. Живопись Славин оставил по той причине, что, взвесив все «за» и «против», решил, что лучше быть хорошим полицейским, чем средней руки художником. Посредственных художников и без него хватает, а вот хороших полицейских, с точки зрения Славина, да и чего кривить душой, по мнению большинства народонаселения, явно не хватает. Так почему бы не стать одним из них. И он стал полицейским, хотя родители, как Дмитрий и предполагал изначально, выбор сына не одобрили, но и давить на него не стали.

Так что Наполеонов не без основания надеялся, что Дмитрию удастся не только утешить убитую горем вдову, но и выудить из Костюковой сведения, которые могут пригодиться в ходе следствия. Да и сам Дмитрий тщательно приготовился к встрече с Анной Леонидовной, вооружившись мужеством, чтобы сообщить женщине о гибели её мужа, и обаянием, чтобы хоть как-то облегчить её боль и расположить к откровению со следствием.

В итоге и чаяния следователя, и все усилия Славина ока-

зались напрасными, так как вдовы дома не оказалось.

После первого звонка он подумал, что она его, может быть, просто не услышала, но когда и на пятый звонок в дверь никто не откликнулся, Славин решил побеспокоить соседей.

Две из четырёх квартир на площадке, не считая квартиру Костюковых, так же оказались глухи к его звонкам. Зато дверь четвёртой квартиры открылась почти сразу. И никаких тебе «кто там» и «чего вам надо».

На пороге стояла худенькая востроносенькая старушка с седыми кудряшками и живыми, светящимися любопытством глазами, одетая в ситцевый халат, расписанный множеством разноцветных колец.

Посмотрев на них, Славин почувствовал мельтешение в глазах. Он уже хотел было сделать гражданке внушение по поводу того, что прежде, чем открыть дверь, надо спрашивать, кто стоит за ней. И если даже допустить, что она тщательно рассмотрела его в глазок, хотя, учитывая скорость, с которой она ему открыла дверь, времени у неё на разглядывание не было. Но если даже и было бы. Что она могла увидеть в глазок? Стоит перед её дверью высокий здоровый парень, а что у него на уме, – неизвестно.

Славин уже и слова предупреждения подобрал, но что-то в старушке было такое, что удержало его от прочтения ей нотаций.

Так как старушка молчала, оперативник шагнул поближе

к ней, раскрыл своё удостоверение и громко представился:

– Старший лейтенант Дмитрий Славин.

– А чего вы так кричите, старший лейтенант? – неожиданно звонким голосом спросила старушка. – Я отлично слышу!

– Простите, – растерялся от неожиданного отпора Дмитрий.

– И удостоверение своё мне под нос совать не надо, – меж тем продолжила старушка, – вижу я тоже прекрасно.

– Извините. – Славин сделал шаг назад и церемонно спросил: – С кем имею честь разговаривать?

– Вы имеете честь беседовать с Прасковьей Ивановной Тяжеловесовой.

Старший лейтенант едва не фыркнул – фамилия никак не соответствовала габаритам маленькой старушки. Но он удержал на лице серьёзную мину и вежливо произнёс:

– Очень приятно.

Она снисходительно кивнула и пояснила:

– Я бывший управдом. Теперь на пенсии.

«Тогда всё понятно, – подумал Славин, – управдомы привыкли к тому, что не они кого-то боятся, а их».

Но, осмотрев старушку с ног до головы, он решил, что теперь-то она точно на заслуженном отдыхе и все безалаберные жильцы, если они имеются в этом доме, могут спокойно жить, напевая себе под нос: «Нам не страшен управдом!»

Видимо, на его лице промелькнуло что-то такое, что выдало его мысли, так как на губах старушки промелькнула ехид-

ная усмешка, что-то типа «рано обрадовался».

Вслух она сказала:

– Теперь я являюсь старшей по дому.

– Как же мне повезло, что я позвонил именно в вашу квартиру, – догадавшись, что пойман на горячем, пустил в ход своё обаяние Славин.

– Это ещё почему? – спросила женщина, продолжая мысленно подтрунивать над молодым сотрудником полиции.

– Потому что меня по долгу службы, – Славин придал своему голосу солидность, – интересуют ваши соседи по лестничной площадке.

– И кто же именно? – быстро спросила женщина.

– Костюковы. В частности, Анна Леонидовна.

– А почему не Вадим Аркадьевич? – поинтересовалась женщина, не сводя изучающего взгляда с лица Славина.

Особенно её интриговали и притягивали глаза оперативника – не зелёные и не коричневые, они напоминали своим цветом лесные орехи, растущие в лесу за Волгой, и возвращали женщину во времена её далёкого детства. Она сама не заметила, как её собственные глаза затуманились…

Но сухо прозвучавший голос оперативника вернул её в реальность:

– Потому что Вадим Аркадьевич, к моему большому сожалению, убит. – Теперь лицо Славина выражала неподдельную скорбь.

– О господи, – всплеснула руками старушка, – чего же вы

тогда стоите в коридоре?!

– В квартиру вы меня, Прасковья Ивановна, пока не приглашали, – вздохнул Славин.

– Так заходите скорее! – поманила оперативника правой рукой Тяжеловесова.

И он, повинуясь жесту её маленькой сухой ручки, шагнул в полусумрачную прихожую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.